

И. С. ШМЕЛЕВ

Пушкин: 1837–1937.

**Речь, прочитанная на торжественном собрании
в Варшаве 11 февраля 1937 года**

ЗАВЕТНАЯ ВСТРЕЧА

— Пушкин, — сказал Достоевский в московской речи на торжествах открытия памятника великому поэту, — «преклонился перед правдой русского народа».

Что же это за правда? — А вот самый тот путь, принятый нами от купели, — нести в мир Правду, всех и вся примиряющую, Божиим освятить мир. Эту правду раскрывали Гоголь и Достоевский. На ней строил свою систему Вл. Соловьев.

Эту правду Пушкин носил в себе... Она зрела в его творениях, шептала ему во вдохновенности, — родная его Муза! — и он проникался ею, «велению Божию послушный». Она взывала в нем в ту «болдинскую» осень 1830 года — осень великого томления. И его страстный призыв в «Заклинании» — «ко мне, мой друг, сюда, сюда!..» — не страсти зов, а страстного томления, искания гармонии, опоры, которые уходили от него. «Скучный шепот» тревожит его в бессоннице, рождает беспокойство духа, подавленного «жизни мышьей беготней»... — как бы чувствуется ему касание «иного мира».

Эта миссия наша — пронизать мир Божьей Правдой — инстинкт нашего бытия. Ныне мы на распутье, и вот дается нам укрепление — «заветная встреча» с выразителем нашей сущности: мы поминаем Пушкина, поминаем великую утрату...

Вспоминаем слова Гоголя — «Пушкин — явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа». По слову Гоголя, «в Пушкине как бы показано, каким мог бы стать русский человек через двести лет». Своим поражающим духовным

ростом Пушкин как бы знаменует грядущий рост русского человека: плуафей, жадный к культуре европейской, бунтарь, он зреет, мудреет, углубляется, приникает к родной стихии, проникается творчеством народа, тянется к самобытности, патриот, государственный, черпает от Святого Слова, глубоко пускает корни в родную почву... Дуэль и — смерть. Пушкин не весь раскрылся. Гоголь и Достоевский скрещивают на нем видения свои, как бы указуя: вот центр, глядите и познаете».

Достоевский сказал еще: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и, бесспорно, унес с собой в гроб некоторую великую тайну. И вот, мы теперь без него эту тайну разгадываем». Так ли это? «Тайны» Пушкин не унес с собой: он ее нам оставил, собой оставил. И мы разгадываем ее, раскрывая и познавая его наследство. И эта, поминаемая ныне полуторавековая с ним «встреча» — не знаменательна ли?

Да кто же, что же такое — Пушкин? Пушкин — все наше бытие, «самостоянье» наше. Пушкин — Россия наша, от первого Российский. Пушкин это — неразрешенный еще вопрос, им же поставленный:

Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

Почему все мы любим Пушкина, и многие — бессознательно? И это, может быть, лучше, что бессознательно, зато непосредственно и крепко. Не потому ли, что в нем все отвечает какому-то властному в нас инстинкту? От него идет как бы ток, как от чего-то очень огромного. В нем включено как будто все — для всех нас: веет от него стихией, которая проникает нас и живет.

Пушкин — не гениальная случайность литературы русской, а «явление чрезвычайное», — сказал Гоголь, — «пророческое»! — добавил Достоевский. Он как бы предуказан нам в судьбе нашей, — показать, на какие высоты может подниматься русский гений. Он — знамение нашей духовной сущности.

«Тайна» Пушкина — для нас, ныне, — в очистительной встрече нашего духа с ним, в очищающем пламени его, которое он «вдвигает» в отверстую нашу грудь:

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.

Пушкин — скрижаль нашего Завета: в нем все, чтобы быть нам, и быть достойно. Пушкин для нас — бесспорность, прирожденность. Он для нас воздух и чувство Родины с детских лет. Никто из творцов родного слова, кого учили мы в хрестоматиях, так не прирос нам к сердцу, никто так не стал своим, как Пушкин. Поньше веет он в нас воздухом детских лет. Читаем его — и слышим, как пахнет снегом, чувствуем занемевший с мороза пальчик, видим «бразды пушистые», «на стеклах легкие узоры», «деревья в зимнем серебре», «мороз и солнце... день чудесный!» — слышим первую зиму нашу. Вбираем в себя... — и сколько отображений, отзвуков.

Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный...
Открыты ставни. Трубный дым
Столбом восходит голубым.
И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой васисдас.

Один этот «васисдас» сколько за собой вытянет, всколыхнет сладко в сердце нашем!

Видим эти картины, и вот, чудо преобразования: мы у себя в России... мы — снова мы.

Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы
Как жар крестами золотыми
Горят старинные главы,
Ах, братцы!..

И мы вздыхаем, захвачены все — одним. Вот она, «тайна» Пушкина!

Он берет нас очарованием простоты и правды, той прирожденной правды, которая называется — родное. Это наша родимая стихия — душевность и простота, ласка родного слова. Пушкин не сочинитель, не выдумщик, не изыскатель слова, а такое же естество, как сложенная народом песня, сложенная народом сказка. Пушкин — та живая тростинка — Иванушка, которую слышит сестрица Аленушка сказки нашей. Ни у кого не найдете

вы такого живого слова, такого чудо-слова, которое уже не слово, а русская ткань живая, таящая дух животворящий.

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.

Няня... — родное, нас воспитавшее, наша няня. Она вырастает в знамение любви, простоты и правды. Единственной ей — высказал Пушкин такую ласку, какой не найдешь больше у него. И слышится нам, что няня — не только Арина Родионовна: это родимая стихия, родник духовный, живой язык.

Пушкиным можем воскрешать — и «бури завывание», «сиянье розовых снегов и мглу крещенских вечеров». Видеть всю русскую природу:

Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года...

Найдем ли в мировой литературе более совершенный образ? Гениальный скульптор по этим восьми словам может лепить «Пробуждение Весны». И мы видим, как вылепит, если только найдется в мире скульптор, равный.

Это мы встречаем «утро года», мы просыпаемся и видим — родное наше видим. С Пушкиным — мы в своем. Вот она, «тайна» Пушкина. Пушкиным познаем мы тайну нашего языка. Жизнь заставила нас слушать чужой язык, и мы познали до глубины, что такой — родной язык, наш язык. Пушкиным мы познали, как мы духовно сильны, как мы — всечеловечны: нет ни единого чувства в мире, чего не вняла бы русская душа, не облекла бы в родное слово.

Пушкин нам дал язык непостижимой силы, выковал из родной стихии, из сокровищ души народа... дал в языке откровение: что за несметное богатство! Родная душа-стихия... Знаем, как широка она, певуча, нежна и всеохватна... как глубока она, как — всемирна! Живя в народах, мы постигаем ныне, как много доступно нам, как многое в нас другим невнятно, невоплотимо в чужих языках.

Все мое, сказала злато,
Все мое, сказал булат.
Все куплю, сказала злато;
Все возьму, сказал булат.

Только мы слышим этот удар, кованность — силу чувствуем.
Чужие — так не почувствуют.

Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой...

Предельная сжатость, ясность, сквозистость, легкость и чистота — вся пчела. Восемь слов... но для нас — всё, до луговых просторов, до медового запаха цветов, — солнце... и наша даль. Слово претворено в живое. Это словесное волшебство, эта легкость творческого дыхания — сродни правде души народной, разлитой в русской песне, нигде неповторимой. Вспомните... —

Ивушка-ивушка, зеленая моя,
Что же ты, ивушка, невесела стоишь?
Иль тебя, ивушка, солнышком печет,
Солнышко печет... частым дождичком сечет?..

И сравните:

Только что на проталинках весенних
Показались ранние цветочки,
Как из царства воскового,
Из душистой келейки медовой,
Вылетает первая пчелка.
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне разведать:
Скоро ль будет гостья дорогая,
Скоро ли луга зазеленеют,
Распустятся клейкие листочки,
Зацветет черемуха душиста?..

Вот откуда — знаменитые «клейкие листочки» Достоевского... из пушкинской стихии, — из народной. Или... —

Как весенней теплою порою,
Из-под утренней белой зорюшки,
Что из лесу, из лесу дремучего —
Чернобурая выходила медведиха...

Вот она, наша ласковость. Этим преклонился Пушкин перед правдой народа русского, как высказал в своей речи Достоевский.

Язык — проба духовных сил народа. У народа духовно бедного — язык бедный. Мерило нашего языка — Пушкин. Он дает нам весь мир мощной стихией языка. Восток и Запад... Это его «игра» и любованье силой. Сердце его — родное. И потому наша с ним «встреча», вне родины, знаменательна. Мы как бы слышим: «помни свое, какой ты стихии, какого корня: эта стихия дала нам Пушкина! познай свое место в мире, и головы не клони!»

Пушкин воспел Россию. Никто не воспел ее так, как он. Кротка она в нас и величава. Воспел Россию имперскую, великолепную. Мы ее держим в сердце. И если иные скажут — «где она, Россия... ваша?!» — нас не смутит.

Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Сын России, ее Певец, он возвышал свой голос народной гордости в трудные дни ее. Он ответил клеветникам России достойным словом, не убоаялся клейма — «раб царский». «Витиям» — политиканам, поливавшим Россию грязью, он ответил имперски-гордо:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?

И дальше:

Мы не признали наглой воли
Того, пред кем дрожали вы...

И —

...в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

За полгода до смерти Пушкин творит «Молитву» — покаяния: «Отцы пустынники и жены непорочны...». Предчувствия... Православные люди русские слышат эти предчувствия, готовятся.

И вот, — подведение итога, самоутверждение, отдавание творческого дыхания своего — Богу:

Велению Божию, о, муза, будь послушна...

Тут — вера. Тут и определение искусства, как служение Богу. Этим подчинением веленью Божию Пушкин скрепляет себя навеки с недрами, которые его родили. Здесь Пушкин утверждает правду народную, заветное назначение его — «служить добру»:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...

И — далее...

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык...

Да, он знает крепко, что нерушимо спаян с родным народом, и знает — чем — всем естеством народным, чем жив народ. Это — завещание, завет: «Я, Александр Пушкин, веленью Божию послушный, навеки с вами, со всею великой Русью, — ваш».

Воистину он наш, навеки!

Томление по мирам иным, разлитое в сказаньях, в стихах духовных, томление земным, тяга к «неведомому Граду», наши провалы в грех и устремленность к небу, извечная наша неприкаянность и порыв, именуемое в мире «ам сляв» — это и в Пушкине. Скука земным, усталость от земного... — «давно усталый раб, замыслил я побег в обитель дальнюю...» порывы — «в соседство Бога»... Вот оно, сияющее, заоблачное:

Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный над горами.
Далекий, возделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине;
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..

Что это? Сущность живая наша. Как же ему не верить! Он наш Пророк и наше откровение — Завет.

Есть у народов книги вдохновенных, гениев, пророков. В години поражений и падений народы черпают в них силу. У нас — он Пушкин. Если бы мы спросили свое сердце — чего хотим? — оно сказало бы — «самостоянья своего»! Самостоянье — Пушкина слово:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека, —
Залог величия его.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва;
Без них наш тесный мир — пустыня,
Душа — алтарь без божества.

Уразумеем ли нашего Пророка? Сколько претерпев, нельзя оставаться прежними: надо склониться перед святыней, единым сердцем. Страдания умудряют, обновляют. Мы должны раскрыть, наконец, тайну Пушкина. И мы раскрываем ее: он сам ее нам открыл — собой. Вот, оно, «явление чрезвычайное», «пророческое»! — в Пушкине раскрывается Россия. Томимы духовной жаждой, мы влачили в пустыне мрачной, и вот — Серафим, «на перепутьи нам явился»! И мы с восторгом примем «уголь, пылающий огнем». И тогда, как откровение, мы прочтем:

А ты, с которой образован
Татьяны милый идеал...
О, много, много рок отъял!

Да, много. Опаленные животворной встречей, очищенные страданьем, теперь мы внимаем чутко... теперь мы стремимся к ней... ловим неизъяснимый образ —

...тайные преданья
Сердечной, темной старины,
Ни с чем несвязанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья...

Теперь — новый смысл раскрываем в давно знакомом:

Тогда — не правда ли? — в пустыне,
Вдали от суетной молвы,
Я вам не нравилась... Что ж ныне
Меня преследуете вы?
Зачем у вас я на примете?..

«Милый идеал» разгадан нашим сердцем, узрен «сквозь магический кристалл Бессмертного.

Перстами, легкими как сон,
коснулся он слуха нашего... —

И слышим:

В надежде славы и добра,
Гляжу вперед я без боязни.

